

A detail of Michelangelo's famous fresco 'The Creation of Adam' from the Sistine Chapel. The image focuses on the two hands reaching toward each other: Adam's hand on the left, extended from a reclining position, and God's hand on the right, reaching out from a seated position. The fingers are just inches apart, creating a sense of tension and divine spark. The background is the aged, cracked, and discolored plaster of the original work.

Александръ Дунаенко

Код предательства

Рассказы о взрослой любви

Александръ Дунаенко
Код предательства.
Рассказы о взрослой любви

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17797734
ISBN 9785447434571*

Аннотация

Эотики в литературе хватает. А вот умной эотики в литературе практически нет. ...я ни у кого больше не нашла попыток рассуждать о сексе не как о погремушке из трафаретов «секс – любовь», «секс – физиология», «секс – грех», «секс – комплекс», «секс – порнография», но – как о необходимой составляющей процесса самопознания, как об одном из самых мощных способов общения, данном человечеству. И, возможно, где-то в светлом будущем – даже искусстве общения. Это если человечеству очень сильно повезёт.

Содержание

Наринэ Абгарян Об Александре Дунаенко	5
Афродизиаки	7
Женщина	7
Свободная жизнь	11
Тюльпаны	15
Принцесса, дочь короля	28
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Код предательства

Рассказы о взрослой любви

Александр Дунаенко

© Александр Дунаенко, 2016

ISBN 978-5-4474-3457-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наринэ Абгарян

Об Александре Дунаенко

Александр Дунаенко – один из самых талантливых авторов современного русского рассказа. Творитель той прозы, которой давно не было, и которую мы с таким нетерпением ждали. Сильной, настоящей, думающей прозы. Он всегда идёт до конца. Он не терпит намёков и экивоков – там, где другой писатель стыдливо отворачивает взгляд, пытаясь литературными приёмами завуалировать свою мысль, или наоборот, ударяется в недопустимую тривиальность, Александр Дунаенко ведёт себя, как истинный мастер – балансируя по самому краю, он умудряется не сорваться вниз, но и не отходит от кромки бездны. Ему туда не страшно смотреть. Он видит в бездне то, чего не дано разглядеть нам.

Рассказы Александра Дунаенко интеллектуальны, мелодичны, бесспорно эротичны, нестерпимо осязаемы. Кажется – ещё чуть, ещё шаг – и текст утащит тебя в какое-то другое, неведомое доселе бытие, возвращения из которого уже не будет никогда. Но вдох – и ты снова на этом берегу – оглушённый, опустошённый, абсолютно первозданный.

Через некоторое время приходит понимание того, что автор просто поиграл с тобой. Он позволил проникнуть в его реальность, а потом вежливо выпроводил обратно. Это его

царство, его епархия, и посетителям там место ровно на то время, которое отвёл им писатель Его совсем не заботит, каково это — дышать после.

Я искренне завидую людям, которым ещё предстоит познакомиться с рассказами Александра Дунаенко. Я была на том благословенном берегу. И запомнила его навсегда.

Наринэ Абгарян.

Афродизиаки

Женщина

В ноябре месяце прошлого года я видел, как с черного неба падали хрупкие кристаллики воды и разбивались о землю насмерть. Всю зиму мы топчем останки небесных творений... Ну, зима – это потом. Вначале было лето...

Вначале было лето, И много солнца возле синего моря. Галька, куски бетона, фантастическая зелень и немилосердная вонь субтропиков. Я купался с посторонней мне женщиной, которая от мужа и двоих детей уехала в отпуск к синему морю.

Я не уехал ни от кого. У меня не было своей семьи. Всё как-то не сходилось, не получалось, а теперь уже и привыклось.

На море без женщины никак нельзя. Женщина очень как-то скрашивает бездельный образ жизни, осмысливает его. Куда бы с ней ни пошёл, чем бы ни занялся, время пролетает удивительно быстро и с толком, которого невозможно объяснить.

На море у меня была женщина. Жила по соседству в курятнике. А я в свинарнике. Платили по 40 копеек в час за койко-место. Вместе купались, ходили в кино, столовую. Почему не предохраняешься? – спрашивал я. – А вдруг девочка или мальчик? Тощая, как жертва режима. Цены бы не сложили где-нибудь в Англии. А у нас – ничего. Без фура. К пухленьким как-то больше. Вся страна припухла от уверенности в завтрашний день.

По гальке ходить полезно. Даже по горячей. Особенно по горячей. Соль в суставах растапливается. А с сахаром мы уже покончили. Хватит народ травить. Вон – апельсин сладкий, виноград сладкий. И – никакого вреда.

Грудь от солнца нужно прикрывать. Радиация. Вредно.

Я не знаю, про нас не написано. Может быть, тоже вредно. Что? И у тебя муж ни рыба, ни мясо? А я – мясо? По рубль девяносто, филейка. Я – филейка. Доброе слово и кошке приятно. Стараюсь до судорог. *Они* же вроде, как рояль. Подойдёшь с ключиком, с молоточком, с камертончиком. Тихо сядешь подле и давай: тук-тук. И – слушай. Поправил струну, тюкнул и – дальше.

Вот так настроишь, подтянешь, а потом – возьми аккорд,

другой, третий. Красиво. Чисто. Звучит-то как!

У мужа нет слуха.

Я стала совсем другая.

Давай поженимся.

Очень хорошо. У меня сразу двое детей и трёхкомнатная квартира, и в каждой из комнат меня будет настигать этот рояль. Тюк-тюк... И так хорошо. В одном городе живём, гора с горой, человек с человеком, собака с собакой.

Кончается отпуск. Чемоданы. Красивое на тебе платье. Да и сама ты... Брось, не смотри зверем. Нет, не зверем, а так, будто на всю жизнь прощаемая. Гора с горой. Кролик с удавом. Нет, я выйду из самолёта позже...

И вот наш общий город. Ты пропала в нём. Телефон, адрес – на кой чёрт они мне. Пропала, как не было. День, два – ничего. И неделя, месяц – я каждый час и минуту не испытываю ни малейшего беспокойства. Расстались – и ладно. Была женщина. Живёт где-то здесь. И адрес не нужен. Зачем мне её адрес? Столовая. Компот из сухофруктов. Там, у моря, тоже был компот из сухофруктов. А у этой девушки, как у тебя, такая же длинная, загорелая шея. Вот и фильм дока-

тился до нашего города. Почему бы ни посмотреть во второй раз, неплохая вещь, там, у моря, смотрел в первый.

В ноябре встретились. Не узнал. Пальто, меховая шапка. Подошла в румянце. – Чай, кофе? У меня, конечно. Недавно получил квартиру: 11 микрорайон, газ, горячая вода. Что-то новое в твоих поцелуях. И вся другая. *Спасибо тебе. Ты меня сделала женщиной. Я и мужа не понимала, а вот после тебя...* Я так счастлива, я так его люблю...

И была ночь. Я возвращался в свою пустую квартиру в 11 микрорайон. И первый раз в жизни я не радовался снегопаду, который открылся внезапно и сразу крупными мохнатыми снежинками. Мне представилось, что они падают, не удержавшись на краю облака, головой вниз и разбиваются насмерть об замёрзшую землю. У меня кружилась голова. Мне казалось, что это я стою на краю облака, теряю равновесие и ухватиться мне не за что.

июнь, 1988 г.

Свободная жизнь

Когда я слышу, как женщины расписывают свою независимость в домашнем хозяйстве, меня смех разбирает до икоты. Тоже мне нашли, на чём строить политику. И строят. На плюшках. Я могу прожить без плюшек, вы можете прожить без плюшек, в конце концов, и я и вы можете сами их приготовить, если в этом вам поможет жареный петух, так значит ли из этого, что вы и я произошли от обезьяны, а все женщины – от святого духа?

Но вы женитесь, и поживите лет двадцать, и вы почувствуете разницу. Вы поймете, что сварить борщ и вымыть полы – величайшее в мире искусство, и когда бы вы ни пытались всё это повторить – все равно руки у вас выросли оттуда, куда Макар телят не гонял и нечего со своим дилетантством даже рыпаться в ухоженный и отутюженный калашный ряд.

У меня жена уехала на учёбу, оставив мне на шею двух сыновей, двенадцать половиков с пылесосом, холодильник с мясом и кастрюлю с тарелками. Плакала жутко, когда уезжала, как будто навеки с нами прощалась. Как будто мы калеки без рук, без ног, только рты у нас и глотки. Может, я чего не понимал, но я не плакал. Мне рисовалась свободная, радостная жизнь без половой дискриминации. Когда

мне на каждом шагу не будут тыкать фотографию живого Дарвина и напоминать, что я, равно как и он, произошел от обезьяны.

Вы знаете, я специально взял билет для жены на поезд, а не на самолет, чтобы она семь суток туда ехала и семь обратно. И пошел домой: два месяца я никому не буду портить воздух, я – полноценный человек.

Я купил водки – кто мне может слово сказать – водка везде есть, а я прилично зарабатываю. И пригласил Вовика. Пей, говорю, Вовик, ешь. И никого не бойся. И не оглядывайся на дверь, я здесь хозяин!

Суп ел Вовик. Суп из пачки. Кто смеётся – тот сам дурак. Мы говорили от души и пили.

Детей я кормил. Кормил каждый день до отвала. Никаких проблем. Вермишель варил. Картошку жарил. Блины пёк. Ну и что, если вместо блинов колобки получались – ЧЕСТНО-ТОЛЬКО В ГЛАЗА – вы когда в жизни в последний раз колобки ели? Вы вообще их когда-нибудь ели? Да, ладно. Если у вас уезжала учиться жена, вы наверняка ели чего-нибудь такое, что вряд ли кому и видеть приходилось. Мои дети сами могли изобрести любое блюдо... Да что это я всё о еде, да о еде. Я вам скажу, что мы каждый день по очереди

делали уборку – никто от этого не сдох – и покончим с хозяйством. Оно занимает ничтожно малую часть в жизни человека – я знаю это теперь наверное, а женщины раздувают из него непомерную помпу.

Кстати, о женщинах, как таковых. Шестнадцать недель моя жена училась в отрыве от семьи и производства, и кто вам сказал, что я ни на кого даже не посмотрел? Я посмотрел и даже не раз. Ольгу Петровну я сводил в театр. Как? Вы не знаете Ольгу Петровну? Её все знают. Все видели, что, и со мной, она пошла в театр. А Клеопатра Львовна, жена Леопарда Силыча? Она заходила ко мне вечером на чай, я расставил кругом свечи, всё было, как в средние века. Особенно, когда зачем-то припёрся сам Леопард Силыч. Хамло несчастное, все свечи изгрыз.

В милиции мы сказали, что мы два брата, мы с горы катились, – как у Лермонтова, помните? Они вспомнили, и мы скатились еще с одной горы.

А когда приехала жена – на мне зажило уже всё, как на собаке, никто даже и представить не мог, что когда-то у меня был брат. А я, когда увидел её, то почему-то сломался. Я увидел её, красивую, милую и тёплую, которая бежала ко мне с поезда, позабыв о чемоданах. И я заплакал, хотя все шестнадцать недель я ходил гордый и сильный и радовался своей

свободной, но как оказалось, ужасно глупой и никчёмной, жизни. И чистенькие мои дети прижимались к ней на диване и лезли распаковывать коробки. И были надраены полы, и целая кастрюля первосортного борща из консервы дымилась на газовой плите. И хотя к приезду жены, нашей мамы, нашей любимой, мы всё это сделали сами, хотя мы знали, что для них, женщин, домашнее хозяйство – это всего лишь помпа, повод к политике диктата и самоутверждения, мы почувствовали, как мы истосковались, изголодались по этому милому гнёту...

И пусть в вопросе о происхождении мира я так и не пришёл к полному согласию с первоначальной версией жены, я начал подумывать, что, наверное, здесь возможны и какие-то компромиссы.

Сама она стала менее категоричной, более внимательной ко мне, и потому в отдельные минуты я уже готов был проявить слабость и поверить, что, действительно, она у меня – существо неземное...

Впрочем, именно с такими мыслями я и бежал к ней двадцать лет назад, неся на губах первые слова любви...

Февраль, 1987 г.

Тюльпаны

Степь весной, весной ранней – это серое однообразие под небом, которое, меняя к тёплому свои оттенки, готовится к лету. Кое-где сугробы нерастаявшего снега. Ручьи, жаворонки. Внезапные холода с ветрами, которые заставляют забыть, какое время года на дворе. На простой легковой машине прогуливаться в этот серый революционный период чревато неожиданными осложнениями. Нужен, как минимум, джип. Потому что можно въехать в незаметную, подсохшую сверху, грязь и застрять. И никто тебя не выручит, не спасёт. И нет в это время никаких полевых работ, и встретить дурака с трактором, который просто так, подобно вам, прогуливается по степи, практически невозможно.

И не нужно в это время туда ездить.

А нужно подождать недельку – другую. Когда верхний слой земли уже прогреется не сиюминутно, а по-настоящему. Когда протянутся сквозь него тонкие мягкие иголки ослепительно зелёной травы. Когда расцветут и увянут, стогрят на солнце мелкие жёлтые цветы, которые в этих краях называют подснежниками.

Когда на смену им вдруг появятся неожиданно и ярко, ты-

сочи упругих стеблей с бутонами, в которых заключены все цвета радуги – это Его Величество Тюльпан пришёл вознаградить монотонные пространства за долгие месяцы серого, незаметного существования.

И вот уже тогда в степь нужно выехать непременно. Потому что степь, усыпанная тюльпанами – это зрелище, которое ничем не возможно заменить. Это безумная, фантастическая красота всего на несколько дней. К примеру, Венеция – она Венеция 365 дней в году. И Лувр. И морды на острове Пасхи. А тюльпан в степи – всего на мгновение. Он – праздник степи, её карнавал. Появление тюльпана – это торжественное открытие весны.

Раскрывшийся бутон излучает необъяснимую радость. Чему радуется? Чего ожидает получить взамен? Знает ли, что он – всего лишь цветная вспышка и сидеть потом его луковичке под землёй целый год, до весны следующей. Знает ли он про такую свою жизнь – всего несколько дней в году?

В бескрайней, почти безлюдной, степи, для кого он так красив? Как будто какой сумасшедший художник из года в год гениально рисует одну и ту же картину. Потом смотрит, как она гибнет, стремительно выгорает на солнце. Картина ни для кого. И этому ненормальному абсолютно всё равно, увидит ли его творение человеческий зритель. И как её оце-

нит.

Наш степной тюльпан, тюльпан Шренка, занесён в Красную Книгу. Был в степи такой случай. Мне рассказывал старый целинник. Распахивали они тогда, в 50-х, направо и налево, целинные земли. И днём приходилось пахать, и ночью. И вот однажды выехали с бригадой в ночную смену. Грохот, пыль, зажжённые фары. Битва за посевную. И тут головной трактор выехал на пригорок и остановился. Впереди в свете фар вдруг возникло поле, усыпанное цветами немыслимой красоты. Тюльпаны всех цветов радуги вспыхнули из темноты и ударили по глазам неожиданным, беззащитным, праздником. Остановились трактора. Замерли, оглушённые цветом и красотой, механизаторы. Оседала пыль. И цвели тюльпаны.

– Ну, чего стоим, – сказал бригадир. Работать надо. Давайте по машинам. Нехотя разошлись. Взревели дизеля. И тут молодой парнишка, целинник из Подмосковья, дал по газам, выехал вперёд и загородил дорогу всем. Выпрыгнул из трактора, поднял руки вверх, освещённый десятками фар, закричал: – Стойте! Сюда нельзя! Здесь же ТЮЛЬПАНЫ!

Не он один. Наверное, все понимали, что делают что-то неправильно. А может, и не все. Потому что пахать целинные земли, не обращая внимания, кто на них живёт, приказала

Партия. А Партия не может ошибаться.

Бригадир опустил глаза и сказал: — У нас полстраны перестреляли, да в лагерях сгноили, а ты — тюльпаны, тюльпаны... Бригадир был из Ленинграда. Но уже двадцать лет жил в этих диких степях. И поле перепахали. Мальчишка плакал...

...

Выехать за город, посмотреть на тюльпаны, нарвать букетик — мероприятие духовное. Эстетическое. Но всё-таки — противоестественное, если не пригласить посетить тюльпаны красивую женщину. Например, в театр можно сходить и одному. Но туда идут с красивой женщиной, иначе искусство не будет восприниматься, усваиваться полноценно. Нужен катализатор — красивая женщина.

А некрасивых женщин не бывает. Есть любимые и остальные. Их, остальных, субъективно и произвольно делят на красивых и некрасивых. Поскольку на вкус и цвет найти единомышленника трудно, то и понятие красивая-некрасивая становится растяжимым до границ пристрастий и слабостей определённого субъекта.

Ты у меня красивая, потому что я по тебе и сохну идохну. Для других, может, и обыкновенная.

Да, ты и боль моя и восторг, про который говорят – ни в сказке сказать, ни – пером описать. Почему боль – потому что ты замужем. Ты не могла быть незамужем – прекрасный характер, замечательная хозяйка, привлекательная – мужчины на улице заглядываются, останавливаются, долго смотрят вслед. Особенно летом, когда из-под расклешённой короткой юбочки выглядывают смуглые, зацелованные мной до всех пределов, ножки.

А город наш ветреный. Ну, никак не уберечься, чтобы порыв тёплого летнего воздуха не дунул вдруг на голые твои ноги снизу, под мини-клёш, и тогда замирают от приятной неожиданности, попавшиеся на твоём пути и желторотые юнцы, и бесполое старцы.

Не сказать, правда, что ты особенно от этого и береглась.

Твои ноги – это что-то особенное. Безрастительные. Тёплый мрамор. Коротенькие волосы только там, где ноги почти соединяются, и остаётся небольшой горизонтальный промежуток. Маленькая плоская вершина трапеции, которая хорошо заметна со стороны, когда ты стоишь напротив в своём лёгком, полупрозрачном, платье.

«И в том краю есть промежуток малый. Наверно, это ме-

сто для меня...».

Я не знаю, почему ты приходишь на свидания со мной. Всё у тебя есть и жизнь устроена. И в интимной жизни, как удалось вычислить по обрывкам фраз, у тебя всё в порядке. Более, чем. И тебе никогда *это* особенно и не было нужно. Был, правда, случай...

Позвонила – голос какой-то странный. Нужно встретиться. И, чем скорее – тем лучше. Конечно, всё бросил, прыгнул в машину и – в режиме ралли, к условленной точке. Стал в тупичке, никому ниоткуда не заметный. Увидел свою женщину ещё издали. Шла как-то неуверенно, как во сне. Одета – как будто что делала на кухне, потом всё бросила и так вышла на улицу. Халатик, на босу ногу тапочки. Села в машину, тихо поздоровалась. Поехали за город. Одна рука на руле, другая – к тебе. От тапочка по внутренней стороне гладкой ножки вверх, под халат. Осторожно. Бесстыдно. Пуговицы, кажется, расстегиваются сами. Одновременно смотрю на дорогу, торможу, переключаю передачи. Ох-х-х... Ты уже готова... И ещё как...

Провёл рукой по голове. Мягкие любимые волосы. Пальцами коснулся губ. Они приоткрылись, мокро обхватили мои пальцы. Захватили глубоко, как леденец, медленно дали выскользнуть, потом захватили снова... Я бросил руль

и потянул книзу молнию на брюках. Пальцы изо рта вытащил и тихонько попытался наклонить твою голову к себе, туда, где, вырвавшись из тесных джинсов и распрямившись, в невыносимом желании торчал мой суверенный друг. Он ещё более напрягся и обезумел, потому что ощутил твой взгляд.

Торможу, переключаю передачу, здесь спуск и поворот...

Ты легко подалась давлению моей руки, наклонилась...

Я смотрю на дорогу, мне нельзя отвлекаться, я почувствовал – горячие твои губы накрыли, обволокли меня, я погружаюсь в них глубже и глубже, ты жадно меня в себе утопила.... Не увлечься бы, не сорваться... Иначе – к чему эта вся поездка? А тут ещё эти ямы, колдобины. Машину кидает, мокрый задубевший ствол то выскакивает у тебя изо рта, то вдруг грубо, рывком уходит вглубь, так, что губы твои касаются металлических зубочков расстёгнутой молнии. Боюсь повредить тебе гортань. О себе как-то не думаю. Хотя на этом участке дороги, на какой-нибудь кочке, гильотинка может буднично клацнуть. И тогда всё – конец всей моей мужской жизни...

Ты стонешь, но не бросаешь. Выражение «гортанные крики» пришло, наверное, отсюда...

Да, нужно свернуть направо... Мы останавливаемся в лесопосадке. Всё. Можно не спешить. Ведь мы уже приехали. Хотя – нет. Невдалеке, под карагачом, уже стоит зелёный «жигули-комби».

Даже днём, среди недели, не протолкнёшься...

Отъезжаю дальше, в глубь посадки. Теперь всё. Даже если в трёх метрах ярмарка – с места не сдвинусь.

Я целую свою милую. Халат распахнут, лифчик и трусики, как будто кто на тебе переверорошил – смяты, скомканы, и они уже ничего не прикрывают. Это всё я? Ничего не помню. Подожди ещё минутку... Сейчас я буду любить тебя, и любить долго...

А потом ты лежала, и, запрокинув голову, смотрела в небо. И тогда ты сказала: «Я видела в небе ангелов...».

Как можно называть это грехом?.. Не пожелай жены ближнего... А какой он мне ближний?...

И я пригласил тебя на тюльпаны. Кого же ещё? Вырвалась, нашла время. У меня всё та же старенькая «Нива». Соблюдая все правила конспирации, жду тебя у «Гастронома».

Ты выходишь из толпы и ловишь случайную машину – меня. Как только сердце не выпрыгнуло из груди, когда тебя увидел! По пути пришлось сделать остановку у киоска. – Сейчас, – говорю, – возьму сигареты и жвачку. Когда снова сажусь за руль, ты улыбаешься: – Ну, что ты суетишься, сегодня можно обойтись без презервативов... Я чуть не покраснел. Откуда догадалась?

А тюльпаны у нас недалеко, за городом. Проезжаешь мусорные свалки, брошенные заводские цеха, пустыри – и вдруг оказываешься в чистом поле. Пологие холмы до горизонта, как застывший океан. Сероватый фон от высохших прошлогодних трав и – неожиданная роскошь – тюльпаны. Они здесь практически в полном наборе своего разноцветья – белые, жёлтые, алые, розовые...

«Ниву» останавливаю на пригорке. Тепло. Слабый ветерок. Помогаю тебе выйти из машины. Машина высокая, можно получить удовольствие от того, как из своей короткой юбочки ты выдвигаешь ногу, чтобы достать далёкую землю. И я получаю это удовольствие.

Тюльпаны уже здесь, под ногами. Прежде, чем начать тебя целовать, – а я ведь буду тебя сегодня целовать? – я наклоняюсь и срываю несколько цветков. Подаю тебе – слышишь, как пахнут? Это особенное удовольствие – срывая тюльпа-

ны, собирая их в букет, периодически подносить их к лицу, чтобы услышать их удивительный запах.

От цветка к цветку можно уйти незаметно очень далеко. Я касаюсь твоей руки. Обнимаю за талию. При случае – прячу лицо в твоих волосах. Что лучше – аромат тюльпана, или этот родной, от которого кружится голова, запах твоих волос?..

Оглянувшись – наша «Нива» на пригорке уже кажется маленькой игрушкой.

Когда влюблённые касаются друг друга, они не просто касаются друг друга. Идёт взаимное считывание информации о том, как данную минуту, мгновение относится к тебе твой любимый человек. Внимательное, пристрастное, до самого тонкого оттенка чувств. Вопрос, который у влюблённого человека требует постоянного ответа: *а любят ли меня ещё?* И – *как?* От этого зависит куда, в каком направлении, будут дальше развиваться отношения. И будут ли?

И вот мне что-то стало как-то не так. Не сказать, что от моей милой веяло холодком, или она от меня отстранялась. Нет. И смеялась она, как всегда. И прижималась телом. И оделась таким пронзительным образом, что временами даже не ощущалось действия гравитации.

Я спросил, я начал издаleка, – как там, мол, семья, как сынишка. Оказалось, всё хорошо. Ходит в садик, учится говорить «Р-р-р». Позавчера, в гостях, попросили его сказать «трактор». Хитрец, решил не напрягаться, сказал «К-700». А муж? Ну, что – муж... Работает. Бегаёт, всё для дома достаёт.

Муж – это отдельная песня. Насколько мне удалось вытянуть из моей любимой информации о нашем муже, то это вообще какой-то супер. Мечта каждой женщины. Любит. Хорошо зарабатывает. От сынишки без ума. В постели изобретателен и неистов. И на вид не какой-нибудь Баркильфедро, а весьма презентабельный, пришлось как-то по делам встречаться.

Ну, так что муж? – спрашиваю. – Ничего, работает. – И – всё? – спрашиваю опять. – Что ты имеешь в виду? – Ну, вот *это*... И оба мы понимаем, о чем я. Хотя ты ещё несколько минут пытаешься уйти от прямого ответа. Потом – Ну, да, было. Да, сегодня. Прямо перед тем, как нужно было бежать к «Гастроному». Он будто чувствовал. Всё крутился вокруг, крутился. Опоздал на важную встречу...

Ну и ладно. Пустяки, дело житейское. Действительно, куда уж тут денешься. Никуда не денешься. Идём обратно к машине. Да я не расстроился. Наступил на один тюльпан,

на другой. В салоне разложил сиденья, оборудовал наше внебрачное ложе. А вот ты уже и без верхней одежды. В нижней – моей любимой. – Снять, или пока пусть? – спрашиваешь ты. – Пока пусть, – смотрю, провожу рукой по волосам, целую плечи.

Один – красный тюльпан, просовываю за перемычку между чашечками бюстгальтера. Другие цветы – по одному под резиночку трусиков. Сквозь тонкую ткань просвечивают их стебли. И дорогие твои тайны.

Белый, малиновый, жёлтый, сиреневый... А что? Властитель Персии золотой позволял ли себе такую роскошь – украсить любимую тюльпанами? Позволяют ли себе властители иметь любимых? А, если любимая замужем? То тогда властитель позволяет себе отрубить мужу голову. Не знаю, будь властителем я, я бы начал не с головы...

Я целую тебя и, заглянув в глаза, спрашиваю – Ну что, поедим? Ты не знаешь, что сказать. А я знаю. Ну, не зверь же я всё-таки. Там эта, влюблённая в тебя долбёжная машина, вышибла из тебя все соки, а теперь я возьмусь тут тебя добивать. Человек – существо материальное, биологическое. Со своим ресурсом, запасом прочности. Способностью уставать, на- и пресыщаться. Духовные силы и красивые чувства могут появиться в человеке тогда, когда у него ничего не бо-

лит, когда он не голоден, когда его не мучает желание отдохнуть, выспаться. И губы готовы целовать вновь, когда отдохнули от предыдущих ласк. Иначе у поцелуев другой вкус.

Мы ехали обратно в город. Ты сидела на заднем сиденье, молчала и лохматила рукой мои волосы.

Созвонились через неделю. Ты позвонила мне сама. Звонкий любимый голос спросил меня, как дела. Я услышал твой голос и сказал, что дела у меня идут хорошо, просто замечательно. Что я готов заехать, а ты сказала, что уже ждёшь на новом условленном месте. Ты сказала, что звонишь из автомата и ещё – что очень по мне скучала. И соскучилась. В общем, набор таких обыкновенных, почти одинаковых, слов.

Мы приехали туда, где неделю назад всю цвели тюльпаны. Их уже не было. Как будто их не было никогда. Но мне казалось, что всё поле усыпано цветами. И небо.

На этот раз ты была только моей. Твоё дыхание, глаза, твоё тело не обманывали меня. Я знаю. *Я бы почувствовал...*

Принцесса, дочь короля

Посвящается Джулии

История эта кошмарная, и, не приведи Господи, кому из вас такое пережить. У меня и сейчас в руке дрожит перо...

А вышло всё оттого, что вздумал я, старый пень и дурак, в тридцать пять лет жениться. Говорят, что рожать в этом возрасте уже будто бы трудно, а вот жениться – в самый раз. Созрел, мол, нагулялся. Остепенился. Не знаю. Если в жизни всего наделался, то, скорее, помирать пора, а не жениться.

Красавица моя временно проживала в Москве и училась на журналистку. А я готовился получить диплом культурного человека в специальном институте, где пять лет учат играть на балалайке, а первые три года – читать и писать. Институт, само собой, тоже находился в Москве, общежитие наше поставили на ремонт, а меня, за хорошую учёбу, поселили в ДАСе – общежитии Московского университета. Первую неделю я ходил овцой по ихнему общежитию и пялил глаза на росписи, выполненные пещерным человеком, на курящих девочек и чёрных негров, которые рассаживались вокруг кадки с пальмой и чем-то напоминали Африку.

Я чуть было не окунулся во всю интересную атмосферу дискуссий и жарких прений, каковые разводили здесь люди исключительного мозгового размаха. Но тут эта женщина злополучная попалась. Вроде, как шлагбаумом, она отсекала мне путь к живому общению с талантливой молодёжью ДА-Са.

Да, да, она была красавицей. Иначе я не пролил бы суп на её ночную рубашку. В той самой, знаменитой «дасовской» столовой, тихонько я двигал свой поднос к кассе и случайно оглянулся. Ну и негритянка... Ну и негритяночка! Тридцать пять лет жил, не знал, что такие негры на свете бывают. По телевизору их, что ли, выборочно всегда показывали? Да и здесь, в ДАСе, сплошь синие, губастые, с плоскими лбами – страшно смотреть. А тут – вполне европейская будто бы женщина, только губы сочно-красивые, чувственные, каких в Европе не делают, да кожа... Что кожа – у нас в Актюбинске, в Мугоджарском районе, и почерней девочку можно отыскать.

Наверное, я, как все мужчины, сволочь, потому что хочется рассказать и про стройность её, и про большие глаза голубые, и про волосы, что длинные, выющиеся, до самого пояса. Ну, что она, скотина какая, что я о ней всё – с ног до головы, как о лошади. Ещё бы про зубы похвалился. Да,

и зубки у неё были, хотя и несколько крупноваты, но хороши поразительно.

И вот на эту улыбку я натолкнулся со своим подносом, ожёгся об эти глаза. И был бы я последний чурбан невоспитанный, если бы не уронил весь обед, не облил ей супом ночную рубашку, и – не опрокинул себе на голову стакан сметаны потом, когда увидел, каких дел натворил, и как трудно будет теперь всё исправить.

Джулия (она – Джулия!) рассмеялась так, что миллион жующего в зале народу вздрогнул. Ей, конечно, было жаль заграничного своего платья, которое я, деревня, принял за ночную рубашку. Жаль, потому что от нашего советского супа «харчи» бессильны пятновыводители, нужны ножницы, но вид меня в сметане, по-видимому, с запасом покрыл издержки несчастного случая. Сразу стало видно, что я – человек необычайно острого ума, но, что более важно (как сказала мне потом сама Джулия), что я влюблён в неё без памяти.

Вечером я пошёл к Джулии извиняться. В голове был сумбур, как будто часть супа попала ещё и туда. Как зайду? Что скажу?

Дверь. Звонок. Джулия. Мы разговариваем. Джулия не сердится, совсем не сердится и много смеётся. Русский

она знает плохо. Знает английский, французский, итальянский, несколько каких-то своих. Я со словарём знаю все языки. Но жадно вслушиваюсь в обрывки *русских* слов. В Африке есть маленькое государство Калликсо и Джулия – обыкновенная принцесса, дочь короля. Их страна отказалась культивировать у себя язвы капитализма. Сейчас Калликсо очень нужны свои адвокаты, журналисты, философы. Лучших своих людей правительство посылает на учёбу к нам, в Советский Союз. Я смотрю на Джулию восторженными глазами: она – лучшая. Она – самая лучшая. Прихожу к ней пять, десять раз – пропадаю. Что у них ещё за порядки – ходить почти нагишом. Ну, этот её «нагиш», правда, не совсем «нагиш». Карден бы заплакал, а то и вовсе слёг. Древний художник росчерком в несколько линий сделал ей наряд: так одевали богинь. Я хотел посмотреть, как их раздевают. Я взрослый человек, мне скоро сорок. Вечер. Мягкий розовый свет в комнатке Джулии. Мы одни. Я протянул руку, и тут послышалось тихое противное шипение. Бог с ней, с любознательностью. – Что это у тебя шипит. Джулия? Чайник, что ли? И тут, рядом с девушкой, появляется голова кобры... Так, ничего особенного: сплюснутая голова пружинисто покачивается на изогнутой струне туловища. Ещё этот... язычок, туда – сюда. Я, конечно, сразу за девушку испугался, встать не могу, белый весь. А она смеётся. Это, говорит, Кесси. Кесси живёт вместе с ней в общежитии и, по поручению богов, охраняет Джулию. У них в стране очень серьёзно относятся

к браку. До свадьбы возле каждой девушки живёт такая кобра, и ещё не бывало случая, чтобы под венец попала не девственница.

Джулия, ты помнишь старый круглый стол, на котором творили свои бесчинства бояре старой Москвы? Как вообще такой стол мог попасть в ДАС? И даже – *такие* столы? На каждом этаже их было по два, на каждом столе – следы страстей трёхсотлетней давности. На этих столах любили, рубили головы, четвертовали, за этими столами пили и устраивали спиритические сеансы. В ДАСе столы украшали крохотные пазухи в длинных коридорах общежития.

Джулия, ты помнишь, ты приходила ко мне в 211-ю? Девушке неприлично находиться в комнате мужчин, мы шли на круглый стол. К свиданию ты одевалась так, что во всём ДАСе бледнело электричество. Мини – разве можно такое мини! Колготки – что ты делала с бедными мальчиками ДАСа? Губы – зачем тебе этот шок в коридорах, зачем пожар?!.. Садилась на древний стол: стройная нога на стройную ногу – (а что ты делала со мной? – но я всё время помнил о Кесси) – садилась, брала в тонкие пальцы свою импортную цыгарку. Зачем куришь? С трёх лет, с трёх лет... Ну и хватит, зачем нам рахиты? Море, бананы, апельсины. Да, хорошо у вас. Самое лучшее у вас – это твои глаза, Джулия. Твои голубые, синие, зелёные, бирюзовые... чёрт, как они меняются... ты

чистокровная калликсянка? Странно: кожа, голубые глаза. Можно, я коснусь губами твоей кожи? Ваш Бог разрешает? Наш? О! Наш разрешает всё, а потом на том свете наказывает. Можно, да? можно?..

***

В поезде двое суток в купе. Чай. Суп из солдатской мисочки. За окном остатки лесов. Ночью с верхней полки я протягиваю руку к Джулии. Она внизу. Я слышу кончики её пальцев. Полумрак. Сопят соседи по купе. И мне кажется, что, на соседних полках, спят проклятые змеи.

Наутро я в радостном волнении: колёса поезда въехали на актюбинскую землю. Яйсан, Мартук, Каратогай – красота-то какая! Что-то мне папа с мамой скажут... Я им вообще-то писал, что приеду с невестой, но не посвящал в подробности. Зачем заранее сообщать, что, мол, принцесса, и ещё полцарства в Африке в придачу. Да, Джулия что-то там говорила об алмазных приисках, залежах урана. Её папа втихаря уже бомбу делает. Если всё будет хорошо, бомбу он отдаст нам с Джулией. Будет ли всё хорошо? Со своим папой я договорюсь, а вот что скажет мама? На словах мы все интернационалисты, а когда доходит до дела... Вот у нас, в Растсовхозе, грек вздумал на испанке жениться, так между семьями чуть резня не вышла. Совхоз узнал, что все

греки пархатые, а испанцы, только недавно, кушать стоя научились. А тут – калликсянка чернокожая.

В Москве я специально ходил с Джулией в Тимирязевский парк, на озеро, чтобы как можно сильнее загореть. Сама она чернее не становилась, а вот я к ней чуток подтянулся. Белый бикини Джулии издали обращал внимание. Москвичи оборачивались, останавливались, как будто негров никогда не видели, и с интересом разглядывали меня, да так, что я чувствовал себя марсианином.

На актюбинский вокзал шоколадная Джулия вышла в лёгком чёрном платье. Вот и ничего. Ну, немного темнее наших, но у неё душа хорошая. Бедная моя мама... Но даже папа в первые минуты ослабел...

Дорогие мама и папа, к вам не ревизор приехал, это моя Джулия. Я понимаю, что, поначалу, все матери глядят на сноху, как на человека другой расы, но, умоляю вас, будьте интернационалистами! Мир! Дружба! Рот фронт! Но пасаран! (Хоть бы один лозунг по-калликсянски, чтобы Джулии было приятно). Као ляо по соляо... нет... не то... Джулия опять смеётся, протягивает руку: мама тётя Анна Васильевна, *Мунате позовут Джулия*. Да, мама, это моя невеста. Папа обнял меня. Он рад. Он радовался бы даже и в том случае, если бы я и совсем не человека привёз, лишь бы мне бы-

ло хорошо. — Что, уже надо жениться? Совсем не заметно. — Заметно, папа. Мне уже тридцать пять, и это заметно: голова седе́ть начала, морщины от бесконечного веселья. Нет, родители не приедут. Сложное положение в стране. Будут два-три министра, да товарищи по племени.

Я показываю Джулии грядки с морковкой, огурцы и помидоры. Папа у меня огородовед-любитель. Безобидный конкурент плано́во-убыточному совхозному хозяйству. Каждую осень он прячет в погреб мешок картофеля, в котором несколько десятков новых сортов. Есть и даже трогать их нельзя, потому что это *сорта*, и потому на зиму для еды папа собирает картофель с полей того самого убыточного совхоза, где горожане, по обычному осеннему авралу, создают видимость уборки, помощи города селу. Джулия не понимает сложной механики советского хозяйствования на уровне отдельно взятой семьи и страны в целом. Объяснять бесполезно. В Калликсо только начинают строить социализм и пока как-то всерьёз о продуктах не задумывались.

О свадьбе, в принципе, договорились. Родители сделали вид, что успокоились. Ночью мама подходит к моей кровати и тихо плачет. В одно из свежих солнечных утр к нашему бараку подъехала чёрная «Волга». Вышли большие люди в чёрных пиджаках и галстуках. Облисполком, Гизат Эбатович. Очень приятно. Международная свадьба. Событие для

города. Будут пресса, отцы города, КГБ. Мало ли, что может случиться. Автобус подадим, выделим средства. Это что, она? У – у, какая хорошенькая! А что она ест?..

Двенадцатого июля свадьба и день рождения Джулии. Город в транспарантах. Из предприятий всех повыгоняли для ликования, когда будет проезжать свадебный поезд. ЗАГС, католическая церковь. У нас перестройка. Уже два года мы стараемся терпимо относиться к людям, которые верят не в то, во что надо. Джулия сказала, что в церковь – обязательно. Ладно, понимаем. Потом – Дом культуры металлургов, свадьба. Накануне Джулия сказала мне одну странную вещь. У них, в Калликсо, прямо-таки культ нравственности и целомудрия. Но, в день свадьбы, жених с невестой должны пройти суровое испытание. Так требует их бог Мугму, и никто не смеет его ослушаться. В общем, нужно, чтобы с Джулией, в день свадьбы, переспали все мои и её друзья (в первую очередь – самые близкие), ну, конечно, товарищи по работе, по партии. Ну, а потом я и сам могу прикоснуться к своей невесте, и уже до конца дней мы будем принадлежать только друг другу.

Получалась вот такая ерунда. Я сказал: Джулия... Джулия, – я сказал, – а, неужели нельзя попросить этого Мугму, чтобы он, в порядке исключения, как-то поменял ваши традиции? Мы, вон – пить на свадьбах бросили... А тут ещё...

Ведь свадьба-то международная! Я бы тоже помолился, меня ещё в партию не приняли. Я бы очень сильно молился, Джулия, ведь я же люблю тебя. Я смотрю на её длинные-длинные ресницы. Слеза каплей повисла на кончике. – Нет, Са-ша, нет. Мугму рассердится...

***

Гости, гости, гости. Как много мужчин. Откуда их столько набралось? Только из Калликсо человек двадцать припёрлись. Сами, без женщин. Конечно, чего на такую свадьбу ехать со своим самоваром? В Доме культуры духовой, расставлены столы. И – не знаю, как это назвать – что-то вроде шатра прямо посередине зала, на возвышении. Там – роскошное брачное ложе. Обком достал для такого случая. Вообще, новость об изюминке свадебного обряда по-калликсянски поначалу родила замешательство в рядах аппарата исполкома. Но, после событий в Алма-Ате и Нагорном Карабахе мы поняли, что к национальным традициям нужно относиться очень бережно, с пониманием. Конечно, если бы речь шла, к примеру, о человеческих жертвах тому же самому Мугму, то мы были бы против. Нам такие свадьбы не нужны. Но тут, вроде, ничего особенного. Как будто цветной телевизор купить и платить – либо сразу всё, либо в рассрочку. Так уж лучше сразу, если есть возможность.

Мы приехали в Дом культуры, и я должен быть тамадой. Я должен приглашать к Джулии мужчин и ещё каждого благодарить. Павлик, лучший друг, заходи. Почему не можешь – это обычай такой. Нужно. А то Мугму обидится. Нет, я этого Мугму не видел. Ты заходи. Мугму, обычай, потом... эта... очередь волнуется... Нет, горячей воды нет. Откуда в Доме культуры металлургов горячая вода?.. Не идёшь?.. Ну, как знаешь...

Я не помню, кто за кем шёл. Отдельные лица иногда всплывают в памяти. Гизат Эбатович: галстук, пиджак, живот. Подошёл, переваливаясь, ко мне. Вручил цветы, поздравил. Сказал: – вот как интересно: у нас, у казахов, свои обычаи. У них – свои... И, кряхтя, полез в шатёр. Был и Рапсодий Иванович. О! Рапсодий Иванович когда-то работал со мной и получил по ушам от кого следует за жажду перестройки за три года до перестройки. Проходя мимо меня, Рапсодий Иванович сделал вид, что выражает соболезнование и возился в шатре минут двадцать. Вермиклер прибежал, весь запыхавшийся: – я только туда и назад. Язю в буфете оставил, а сам к вам. Здесь же обычай. Куда? Сюда заходить?.. Вермиклер тоже со мной работал.

Свадьба была безалкогольной. Всё враки, когда говорят, будто бы на безалкогольную свадьбу люди собираются с неохотой. На нашу свадьбу собрался, как мне казалось, весь

город... Уже прошли калликсяне, друзья, КГБ, ГАИ и местные органы власти. Уже прошли земляки и родственники товарищей по работе, а толпа у шатра все не уменьшалась. Подходили, говорили: – я вас знаю, вы на балалайке по телевизору выступали, мне можно?.. Я уже почти ничего не соображал. Мугму, Рапсодий Иванович, Калликсо – всё перемешалось в голове. Вот он, настоящий бал у Сатаны!..

Я захожу иногда в шатёр. Я свой человек, гости меня не стесняются, я же муж. Я вытираю Джулии лоб прохладной влажной салфеткой, пока какой-то мой новый товарищ поправляет свой оголтелый натурализм. Где же ты, Кесси?!..

Чьи-то руки жадно мнут тело Джулии. Каждый исполнитель моего безумного приговора, содрогаясь, как будто готов разбить, расплющить тёмную фигурку на роскошной арабской постели. Кто-то просит переменить позу. Заглянул Вермиклер: – моя Язя в буфете, по обычаю сколько раз нужно? Потом он, всё-таки, где-то напился, ходил среди столов, и, как я понимаю, в желании мне угодить, спрашивал: – ну, кто ещё невесту не е..., и он называл, конечно, всё слово полностью, до конца, чтобы все его поняли правильно...

Эти сутки июля я вспоминаю, как чудовищный сон. Сейчас, *в наше время*, разве *такое* возможно? Дикость. Да и абсурд, наконец. Я почти не удивился тому, что обо всех со-

бытиях, связанных с играми в угоду варварскому богу, все участники начисто забыли уже на следующий день. И, кроме разговоров о пышной международной свадьбе в Доме культуры металлургов – ничего, даже сна о том, что видел я, не осталось в головах впечатлительных актюбинцев.

И я побывал в Африке. В загадочной и полной чудес стране Калликсо. И мне, который видел только игрушечную речку Илек, облизывали ноги лазурные волны сразу двух океанов. Прозрачные и тяжёлые, они поднимались до небес и выбрасывали на берег цветы и драгоценные камни.

И только Павлик... Да... Павлик... Спустя три дня, после нашей с Джулией свадьбы в Доме культуры металлургов, его нашли мёртвым в машине. В собственной машине «Нива», цвета «голубая адриатика», где японский магнитофон мог без конца играть вам лучшие песни света. Они были лучшие, а так устроен этот дурацкий магнитофон, он играл их без перерыва. С начала и до конца. А потом менял дорожки. Павлик сидел, обхватив руками руль, и – слева от его губ – два красных пятнышка, две крохотные ранки запеклись, как порез от безопасной бритвы...

Врачи сказали (его, конечно, осмотрели врачи) – они сказали, что Павлик умер от О-ЭР-ЗЕ: видите ранки – типичный симптом, он ведь курил, правда? бросил? ну, вот види-

те, тогда, конечно... вот вам и результат: бросил курить, вышел под открытую форточку... Змеи? какие змеи? Что вы! Откуда у нас змеи в Актюбинске?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.